

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

18+

Ульяна Соболева

Волчий морок

«Автор»

2026

Соболева У.

Волчий морок / У. Соболева — «Автор», 2026

Ты думаешь, можешь забрать её у меня? Попробуй. И я буду сдирать с тебя кожу, пока ты не завоешь. Буду ломать твои кости так медленно, что ты сам будешь умолять о смерти. Но я не дам её сразу. Нет, я выжму из твоих криков всё, что смогу, потому что ты посмел тронуть то, что принадлежит мне. Она моя. И только моя. И если кому-то взбредёт в голову встать между мной и ею, я разорву его на части. Морок — это страх. Морок — это смерть, которая крадётся по твоим следам. А я — та тень, что ползёт за тобой, пока ты не поймёшь, что выхода нет. Я сломаю всех, кто встанет на моём пути. И если для этого придётся залить этот мир кровью — так тому и быть.

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ульяна Соболева

Волчий морок

ВОЛЧИЙ МОРОК

Сага о волках

Книга 6

Аннотация:

Ты думаешь, можешь забрать её у меня? Попробуй. И я буду сдирать с тебя кожу, пока ты не завоешь. Буду ломать твои кости так медленно, что ты сам будешь умолять о смерти. Но я не дам её сразу. Нет, я выжму из твоих криков всё, что смогу, потому что ты посмел тронуть то, что принадлежит мне. Она моя. И только моя. И если кому-то взбрѣдет в голову встать между мной и ею, я разорву его на части. Морок — это страх. Морок — это смерть, которая крадѣтся по твоим следам. А я — та тень, что ползѣт за тобой, пока ты не поймѣшь, что выхода нет. Я сломаю всех, кто встанет на моѣм пути. И если для этого придется залить этот мир кровью — так тому и быть.

Глава 1

Я стою в тёмной, прохладной комнате, окружённая тишиной, как будто весь мир замер, ожидая, что произойдёт дальше. Только наше тяжёлое дыхание нарушает этот хрупкий покой. Свет от одинокой свечи медленно пляшет по стенам, отбрасывая причудливые тени, и этот свет кажется почти нереальным, как сон. И вот, как во сне, я чувствую его губы, приближающиеся к моим.

Мой разум сопротивляется, но тело предаёт меня, поддаваясь этому потоку, этой буре. Когда его губы касаются моих, меня захлёстывает волна удовольствия, такая острая, что на мгновение я теряю дыхание. Это не просто поцелуй. Это вспышка, горящий огонь, который мгновенно сжигает все мои сомнения, оставляя лишь жажду и желание. Я ощущаю, как его губы сначала нежно исследуют мои, как будто он пробует что-то запретное, медленно смакуя каждый миг. А потом его поцелуй становится жадным, настойчивым, и мне больше некуда деваться.

Я чувствую, как он кусает мои губы, и от этого лёгкого укола боли по телу пробегает дрожь. Это странное, опьяняющее сочетание — боль и наслаждение. Я хватаюсь за ворот его рубашки, цепляюсь, как утопающая за спасательный круг, притягиваю его ближе, будто боюсь, что он исчезнет, что это всё иллюзия. Я не хочу, чтобы он отстранился, не хочу, чтобы это закончилось. Я так долго ждала.

Это первый раз за столько времени, когда мы вот так — один на один, и между нами нет стен. Нет замков и щитов, только это острое, безумное чувство, которое пульсирует, словно живое. Его губы обжигают, его руки сжимают мои плечи, и я отвечаю на его поцелуй с такой же жадностью, в которой нет ни капли стыда. Наши языки переплетаются в жарком, диком танце, и каждый миг тянется, как вечность. Я не могу насытиться этим. Каждый раз, когда он отстраняется, я чувствую, как внутри меня разгорается новая волна голода, сильнее, чем предыдущая. Как будто я стою перед шикарным столом, и мне не хватает лишь одного блюда — его. Это голод, который невозможно утолить, и эта мысль одновременно пугает и заводит. Я хочу большего. Хочу чувствовать его кожу, его тепло, хочу ощутить его силу, его страсть. И я понимаю, что это желание никогда не исчезнет. Я всегда безумно его хочу, до одури, до ломоты в костях.

Когда он наконец отрывается от меня, его дыхание такое же тяжёлое и прерывистое, как и моё. Он прижимается лбом к моему лбу, и этот жест, такой простой, кажется мне невероятно интимным. Я слышу, как его сердце бешено колотится, и это безумное биение перекликается с моим, словно два ритма слились в один. Мне не хочется возвращаться к реальности. Не хочется снова вспоминать, что этот момент может закончиться.

— Почему? — его голос звучит тихо, словно шёпот ветра. Я чувствую, как его дыхание касается моих губ, и моё сердце сжимается. — Почему ты не пытаешься сбежать от меня?

Я открываю глаза и вижу, как его тёмно-зеленые, горящие глаза пристально смотрят на меня. Его взгляд полон противоречий — он пытается быть жёстким, непреклонным, но я вижу боль и сомнения. Он ищет ответ, но я не знаю, что сказать. Мои мысли запутаны, как нити, которые не получается распутать. Но я знаю одно — я не могла уйти. И я не уйду.

Он снова касается моих губ, медленно, будто пытается запомнить этот миг, продлить его. Я чувствую, как он пронзает меня этим поцелуем, проникает в самое сердце, и я понимаю, что это не просто физическое прикосновение. Это больше. Это крик, который мы оба скрываем глубоко внутри, это отчаянная попытка вернуть то, что казалось потерянным.

— Скажи... — он шепчет на выдохе, и его голос такой тёмный, такой низкий, что я чувствую его вибрацию внутри себя. — ты... такая хрупкая, как бабочка.

- Мотылек...ты называл меня Мотылек.

- Мотылек...наверное да...именно так и мог называть. Мой Мотылек.

Эти слова проникают в самое сердце, режут его тонкими полосками как лезвия, и я не могу больше сдерживаться. Я провожу руками по его волосам, сжимаю их, притягиваю его ближе. Пусть он скажет это снова, пусть скажет, что я его, потому что я хочу верить, что это правда. Я хочу забыть всё, кроме его рук, его голоса, его поцелуев. Я хочу утонуть в этом мгновении, потому что оно единственное настоящее.

Я не знаю, сколько времени мы стоим так, прижавшись друг к другу. Время потеряло своё значение, словно мы оказались в каком-то другом мире, где есть только мы двое и это безумное, невыразимое адское желание. Его поцелуи становятся мягче, но в них столько чувства, столько ненасытной жажды, что я чувствую, как теряю контроль над собой. Он просит меня не словами, а каждым своим прикосновением, каждым движением. И я отдаюсь этому. Я больше не борюсь, не пытаюсь скрыться за масками. Пусть видит, как сильно я его хочу, как сильно я его люблю, даже если это любовь похожа на проклятие. Потому что в этот момент, когда наши губы впиваются в друг друга, я чувствую, что нахожусь там, где должна быть. С ним. И больше ничего не важно.

- Я бы разорвал этого демона на куски...

- Ты отдал меня ему!

- Ни хрена не отдал...Ты моя!

Эти слова обжигают, как раскалённый металл, и я чувствую, как мурашки пробегают по моей коже. В его голосе звучит угроза, предупреждение, но также и нечто большее. Признание. Я понимаю, что он никогда не скажет это прямо, но мне и не нужно. Я знаю. Я чувствую, как его тело напрягается, как его дыхание становится глубже, тяжелее, и это пробуждает во мне дикое, необузданное желание. Губы пересохли, и я облизываю их, вспоминая, как его язык касался их, оставляя вкус соли и огня. Запах лаванды и нагретого солнцем шалфея витает вокруг нас, дразнит, скользит по коже, проникает в лёгкие, и всё внутри пылает, будто в венах разливается горячий мёд. Это не просто возбуждение — это наваждение, яростное, невыносимое. Я хочу его, прямо здесь и сейчас, хочу чувствовать его руки на себе, его тело рядом, жёсткое и горячее, хочу, чтобы он затопил меня этим жаром, чтобы всё, кроме нас двоих, исчезло.

Он смотрит на меня — его глаза тёмные, затуманенные, и когда я слышу этот хриплый, срывающийся стон, почти жалобный вздох, что вырывается с моих губ, что-то в нем взрывается. Последняя грань терпения рушится, и я больше не могу ждать. Мне нужно его касание, его жадные, грубые пальцы, которые найдут каждый изгиб, каждый скрытый уголок моего тела, который войдут в меня, чтобы выбивать крики и стоны. Я хватаю его за воротник, притягиваю к себе и впиваюсь в его губы, кусаю до боли, до тех пор, пока не чувствую вкус крови...но это моя кровь потому что он прорывает клыками нежные губы. И эта солоноватая капля на моём языке сводит с ума, заставляет мои руки метаться по его телу, сжимая, разрывая ткань.

Его руки жадно хватают меня, мнут грудь, скользят по спине, с силой прижимают к себе, словно боясь, что я исчезну. Мои пальцы находят пояс его брюк, медленно, почти нарочно, оттягивая момент, пока его дыхание не становится совсем прерывистым, почти рычащим. Я чувствую, как он сдерживается, как старается не сорваться, но мне этого не нужно. Я хочу, чтобы он отпустил контроль, чтобы мы с ним растворились в этом сумасшествии, пальцы соскальзывают к его бедру, трусь о него, ощущая, как он напрягается от моих движений. Я знаю, что ему хочется войти в меня, сейчас, грубо и стремительно, но я хочу продлить этот момент, заставить его жаждать ещё больше, довести до предела. Я наклоняюсь к его уху, кусаю мочку и шепчу что-то бессвязное.

- Возьми меня...хочу тебя в себе...хочу тебя, мой волк...мой император.

Он не даёт мне ни секунды, чтобы осознать, что происходит. Хватает меня за талию, поднимает на руки, и прежде чем я успеваю вздохнуть, уже швыряет на деревянный стол. Нави-

сает надо мной, будто готов разорвать меня на части, и я понимаю — он больше не собирается ждать. Его глаза тёмные, горящие, полные похоти и чего-то дикого, как у хищника, который почувствовал запах добычи. Он не произносит ни слова, не даёт ни малейшей паузы — просто рвёт одежду с нас обоих, яростно, жёстко, пока не остаётся только кожа к коже, без всяких барьеров. От его прикосновения меня охватывает дрожь, волны жара прокатываются по телу, разжигая всё внутри, раскаляя настолько, что кажется я вся горю.

Это происходит впервые с момента как я его нашла, и я ощущаю это, как запретный плод, который раньше был вне досягаемости. Но сейчас он взял его, не спрашивая, не сомневаясь. Я чувствую, как он упивается этой властью надо мной, наслаждается моментом, когда я лежу под ним, обнажённая и уязвимая. Он знает, что это только начало, и не торопится. В его глазах мерцает удовлетворение — он сдерживает первый порыв, чтобы потом смаковать каждое моё движение, каждую покорную дрожь, каждое мгновение, когда я отдаюсь ему полностью, до последнего вздоха.

Я вздрагиваю от его прикосновений, когда он проводит пальцами по моему телу, словно зная каждую точку, которая заставляет меня задыхаться и закрывать глаза. Он умеет быть разным — то мягким, как лёгкий ветер, ласковым и нежным, то резким, грубым, до боли жадным, как будто хочет поглотить меня целиком, лишит возможности даже думать. Эта смесь страсти и силы, ярости и контроля сводит меня с ума, заставляет теряться в его руках, забывать обо всём, кроме него.

Пальцы вбиваются в мое тело и я выгибаюсь от бешеного ощущения. Он двигает ими быстро, так быстро, что я чувствую как из меня брызгает влага. Как твердеют мои соски и сжимаются в ноющие камушки, которые он тут же сжимает другой рукой. И это заставляет меня извиваться, хвататься за его плечи, сжимать пальцы в его волосах, когда его рот скользит ниже, а поцелуи становятся всё более требовательными. Я чувствую его дыхание на своей коже — тёплое, обжигающее, и от этого у меня кружится голова. Он не останавливается, пока я не начинаю умолять, пока мои стоны не становятся всё громче и отчаяннее, пока моё тело не начинает дрожать от безумия.

Его губы касаются моего клитора и я выгибаюсь, срываюсь на крик, больше не в силах сдерживаться. Бьет по нему языком, всасывает в себя, чуть прикусывает и жадно лижет. Он знает, как довести меня до этого состояния — знает, как заставить меня извиваться под ним, дрожать и рыдать от наслаждения, не давая ни единой секунды передышки. Меня накрывает первым оргазмом... Но он не останавливается. Терзает меня до полусмерти. Его рот, его язык и пальцы творят со мной немыслимое, заставляя оргазмы вспыхивать один за другим, пока я не теряю связь с реальностью, захлёбываясь в этом безумном потоке удовольствия. То он касается нежно, почти невесомо, скользит языком по моему телу, слизывая каждую каплю пота, то резко переворачивает меня на живот, прижимая к столешнице, и вбивается внутрь безжалостно, с силой, от которой я вскрикиваю, цепляясь за стол скрюченными пальцами.

Его руки скользят вверх, сжимают мои волосы, и он грубо тянет их назад, заставляя меня поднять голову, открывая шею для поцелуев, укусов, от которых я захлёбываюсь собственными стонами. Я пытаюсь что-то сказать, но он заглушает мой голос, его пальцы впиваются в мои бёдра, когда он двигается снова и снова, с каждым разом всё быстрее, глубже. Я не могу дышать, не могу думать, и это именно то, чего он добивается — чтобы я утонула в этом безумии, забыла обо всём, кроме него. Он не просто хищник — он буря, ураган, сокрушающий всё на своём пути. Он знает, как использовать свои руки, свой рот, своё тело, чтобы довести меня до полного подчинения, до той точки, когда я готова разлететься на кусочки от этой смеси боли и наслаждения. Когда я пытаюсь отодвинуться, когда моё тело начинает дрожать, он только сильнее прижимает меня, нависает надо мной, не позволяя сбежать, не давая освободиться.

Он двигается быстро, неумолимо и ритмично, его движения становятся всё более грубыми, и я срываюсь на крик, слыша, как моё собственное эхо разносится по пустому залу. Он

безжалостен, но именно это заставляет меня теряться в нём снова и снова. Я чувствую, как его дыхание становится тяжёлым, как его мышцы напрягаются, и он рычит, когда я почти захлёбываюсь от ощущений. Он не даёт мне передышки, не позволяет уйти даже на миг, пока моё тело не начинает содрогаться от экстаза, пока я не начинаю умолять его остановиться, когда больше не могу вынести этот поток оргазмов. Когда я вся чувствительная, как с содранной кожей. Мое тело горит, мое влагалище пульсирует, а клитор дергается после стольких взрывов и болит.

И Вахид становится мягким, почти нежным...долго ласкает, дает передышку, доводя меня до лихорадки, до безумия, когда я уже не могу дышать, не могу сопротивляться, только стону и кричу, цепляясь за его плечи, чувствуя, как всё внутри меня рушится, сгорает и возрождается заново. Я не могу оторваться, не могу вырваться, даже если бы захотела. Он кончает под мой вой, под мой экстаз, когда сильно сжимаю его в судорогах. Чувствую, как выстреливает внутри меня горячая сперма. Слышу как он стонет, рычит впиваясь в меня пальцами.

Когда всё заканчивается, я уже лежу на постели в его руках, мокрая от пота, волосы спутаны, прилипшие к коже, и я ощущаю, как его пальцы медленно скользят по моей спине, не давая мне забыть о том, что произошло. Он наклоняется, касается губами моей шеи, и я чувствую, как он шепчет что-то, что заставляет моё сердце сжаться. Он не оставляет мне выбора, не позволяет освободиться от этого момента, от его прикосновений, от его силы.

Он лежит рядом, обнимает меня, и я чувствую его тяжёлое дыхание, его горячую кожу, и в этот момент всё становится простым и понятным. Я снова его, снова принадлежу ему, и это как возвращение домой, как долгожданный покой. Его пальцы скользят по моей спине, заставляя меня вздрагивать, словно он касается оголённых нервов, и я знаю, что он снова забирает меня себе, что я полностью его. И больше никто не сможет меня у него отнять. А потом он вдруг спрашивает...

- Я всегда мог быть с тобой человеком и не обращаться?

- Да...потому что я аксагол.

Усмехается уголком рта.

- Ты полна секретов, и я собираюсь отгадать их все.

И сейчас он так похож на того Вахида что мне хочется кричать. Но вместо этого по моим щекам текут слезы.

- Было больно?

Отрицательно качая головой.

- Боль ничто когда я с тобой...просто сейчас ты так похож на себя.

Глава 2

Святылище утопает во мраке. Тёмные стены, окутанные пылью веков, пропитаны запахом сырости и черного колдовства, застылой и ждущей своего часа. Курд стоит в центре зала, окружённый древними символами, которые горят болезненно-тёмным светом. Они выведены кровью, неведомой смесью жизни и смерти, от которой воздух тяжелеет, словно готов упасть на плечи каждого, кто осмелится ступить в этот круг. Словно дыхание демона, медленное и тягучее, наполняет это пространство. Курд крепко сжимает деустал в ладони. Камень мерцает в его руке, словно живой, источая слабый, едва заметный свет. Но этот свет — не надежда. Это хищная улыбка тьмы, что медленно расползается по залу, разрывая плоть реальности. Пульсация артефакта проникает в его кости, разжигая неистовое, дикое чувство. В голове Курда туман из ярости и боли, прошлое и настоящее сплетаются в одно сплошное кровавое пятно. В нём живёт ненависть, из-за которой дышать становится мучительно, она подтачивает душу, терзает сердце. Воспоминания — острые, болезненные — плывут перед глазами, как удушливый дым. Он помнит момент своей смерти, ту бездну, что сомкнулась над ним, когда он ощущал холод, сковывающий каждую клетку его существа. Но ещё сильнее он помнит предательство — мерзкое, тошнотворное, словно горький привкус крови на языке. Морт. Этот человек, который предал его, разорвал на части, забрал всё, что было его. Курд с ненавистью вспоминает его лицо, изогнутую усмешку, с которой тот стоял, наблюдая, как Курд падал в бездну, из которой не было возврата. Морт, что стал воплощением ненависти, что занял его место, воссев на троне, принадлежавшем ему. Но Курд вернулся. Вернулся, чтобы стереть всё до основания, превратить мир в груды обугленных костей. И начнёт он с Морта. Внутри святылища холодно, а Курд чувствует, как его пылает изнутри. Демон внутри него не умолкает. Асмодей шепчет ядовитые слова, пробивая его сознание, как капли яда. «Пора, Курд. Пора показать им, кто здесь истинный властелин. Разорви их, испепели. Морт упадёт перед нами на колени и будет умолять о пощаде. И я обещаю, его крики будут самыми сладкими звуками, которые ты когда-либо слышал».

«Замолчи, демон», — шипит Курд в ответ, и его голос раздаётся в пустом зале, рикошетом отражаясь от стен. Асмодей смеётся, его смех подобен шуршанию змеиной кожи. Курд чувствует, как он скользит внутри его мыслей, разрывая их, наполняя тьмой. «Ты боишься, Курд? Боишься правды? Я знаю, ты хочешь этого не меньше, чем я. О, сладкое правление хаоса, сила, от которой дрожат миры. Почему бы не взять всё это прямо сейчас?»

Но Курд не отвечает. Ему нужно сосредоточиться. Сила в его руках пульсирует, и он ощущает её, как второе сердце. Вечная ярость, непрерывная, голодная жажда власти. Он знал, что вернётся. Знал, что никто не сможет остановить его. И его ненависть — это огонь, который сожжёт всё на своём пути. В углу зала Марисса аккуратно расставляет магические артефакты, её руки дрожат. Она пытается быть тихой, незаметной, но Курд чувствует её страх, как вкусный аромат, что проникает в ноздри, наполняя его удовольствием. Он видит, как её тонкие пальцы касаются резных фигур, которые мерцают в свете свечей, и наблюдает за ней, как хищник, следящий за добычей. Её присутствие нужно ему для ритуала, но он ещё не решил, что делать с ней потом. В его взгляде таится что-то жестокое, темное, обещающее боль. Она чувствует его взгляд, поворачивается, и на мгновение их глаза встречаются. В её взгляде страх, паника, скрытая под маской любопытства. Марисса делает шаг вперёд, пытаясь заговорить с ним. «Господин...» её голос дрожит, как сломанная струна, и она застывает, глотая остатки храбрости, пытаясь понять, что ей сказать.

Курд медленно улыбается, его губы изгибаются, но в этой улыбке нет тепла.

- Ты хочешь знать - Он произносит слова тихо, почти шёпотом, но каждый звук режет воздух, как лезвие. - Ты хочешь понять, что я собираюсь призвать?

Он подходит ближе, медленно, наслаждаясь её страхом. Деустал в его руке светится всё ярче, пульсирует, словно живое сердце, и Марисса невольно отступает назад.

- Ты не просто часть ритуала, Марисса. Ты ключ, — продолжает он, наслаждаясь её смятением. Она делает ещё один шаг назад, но он хватает её за запястье, крепко, не давая уйти. Её глаза расширяются от ужаса, и Курд ощущает сладкий привкус её страха.

- Отпустите... — она шепчет, но её голос слаб, слишком слаб, чтобы что-то изменить.

- Почему? — в его глазах вспыхивает огонь безумия. - Потому что ты боишься? Потому что ты думаешь, что я собираюсь убить тебя? Милая, если бы я хотел твоей смерти, ты бы уже не дышала.

Он сжимает её руку сильнее, приближаясь к её лицу, его дыхание касается её кожи, и она вздрагивает, ощущая холодную и непреклонную власть, исходящую от него. Марисса догадывается, что она здесь не просто так. Но Курд продолжает играть с ней, как кошка с мышью, позволяя ей медленно погружаться в отчаяние. Она не понимает, что он делает, но чувствует, что это не закончится для неё хорошо. Курд снова смотрит на деустал, его глаза затуманены тёмными мыслями. Камень пульсирует, зовёт его. В этом свете он видит целый мир, полыхающий в огне, его врагов, кричащих в агонии, и он, стоящий среди развалин, несокрушимый и жестокий, с этим камнем в руке, контролирующий всё. Асмодей подначивает его, толкает на эти мысли. «Тебе нужно больше, Курд. Ты хочешь не просто уничтожить их. Ты хочешь, чтобы они страдали, умоляли тебя остановить это. И ты заставишь их смотреть, как всё рушится, потому что ты — их кошмар.»

«Я не просто хочу уничтожить Морта, — шепчет Курд, сжимая деустал так, что его пальцы белеют. — Я хочу, чтобы он почувствовал то же, что чувствовал я, когда умирал. Хочу видеть его страх, его боль, его отчаяние. Мокану будет последним, кто падёт на колени передо мной». Его голос становится низким, хриплым, каждый звук пропитан ненавистью, что сжигает изнутри. Асмодей внутри смеётся, звучит как громкий, язвительный хохот, пронизывающий каждую клетку. Курд знает, что демон прав, но он не собирается полностью поддаваться этому влиянию. Внутри него бушует конфликт, как в яростной буре, но он держит себя под контролем. По крайней мере, пока.

- Нельзя вызывать ТЕХ чьи имена не произносят, — выдыхает Марисса, её голос дрожит, но в нём есть отголосок смелости. Она пытается понять, как выйти из этого лабиринта, как найти выход из этой тьмы, которая накрывает её со всех сторон.

Курд улыбается. Его улыбка — хищная, холодная, лишённая всякой человечности. - Огонь — это то, что очищает, Марисса. Он уничтожает всё, что стоит на пути. И я — этот огонь.

Он касается её щеки, пальцы холодные, как ледяная сталь, и она вздрагивает от этого прикосновения, словно ударенная током.

- Ты думаешь, что можешь понять меня? Нет, ты слишком слаба. Но ты увидишь. Ты увидишь, что такое истинная сила.

Марисса пытается вырваться, но Курд сжимает её лицо ладонью, грубо, заставляя замолчать. Её глаза расширяются от ужаса, а он лишь улыбается, наслаждаясь её страхом, как изысканным блюдом. Он чувствует, как её эмоции проникают в его сознание, как её страх насыщает его тьму, делает его сильнее. Он знает, что впереди — ритуал, который изменит всё. Он призовет деуса и возьмёт себе силу, о которой остальные только мечтали. И если кто-то посмеет встать на его пути, он сломает их так же легко, как Мариссу — одним движением, одним взглядом. Курд смотрит на неё, и в его взгляде — обещание смерти, обещание боли, которое она, возможно, не успеет осознать до конца.

Скоро начнётся новый порядок. Он сотворит мир из пепла, из крови и ужаса, и ни один человек, ни один демон не помешает ему сделать это. Курд сжимает деустал, ощущая его пульсацию, его зов, и делает шаг вперёд, чувствуя, как вокруг начинают сгущаться тени. Время близко.

Глава 3

Тьма. Она дышит вместе с ним, как живое существо, как безмолвный призрак, что ходит рядом, ни на шаг не отставая. Курд стоит в центре зала, но святилище вокруг вдруг расплывается, и на мгновение он видит себя там, где был когда-то — в железной клетке, в ловушке между жизнью и смертью. Тело его отсутствовало, но сознание горело, оставалось целым, и именно это была его главная пытка.

Он помнит эти чёртовы железные прутья, что вонзались в его обугленную плоть, помнит, как они сжимали его, словно жестокие пальцы, ломая последние остатки гордости. От его тела осталась лишь обезображенная голова, лишённая тела, лишённая силы, но не лишённая боли. Они оставили ему боль — вечную, ненасытную, как демон, жаждущий кровавого пира.

Курд не мог дышать, не мог говорить. Он мог только чувствовать, как тьма разрывает его сознание на мелкие кусочки, каждый из которых вопил в агонии. Они держали его в этом состоянии — заточённого, умирающего, но не мёртвого, запертого в клетке, что была создана, чтобы измываться над его бессмертием. Никто не приходил, никто не говорил, лишь бесконечное шипение магии, что поддерживала его жизнь, становилось всё громче, сводя с ума.

«Мокану... ты думаешь, что победил меня, — шепчет он в пустоту, и голос его звучит, как шипение змеи. — Ты хотел, чтобы я страдал, ты запер меня, но сделал ошибку, не уничтожив до конца. Ты думал, что твоя победа — это конец? Глупец. Я вернусь и заберу у тебя всё, что ты пытался отнять у меня. Твою власть, твою жизнь... твою душу. Я разорву твоё сердце и заставлю его биться в моей руке, пока ты не почувствуешь то, что почувствовал я».

Его глаза горят. Он видит перед собой тех, кто встал на его пути, тех, кто посмел перечить его воле. Каждый из них — капля яда, разливающаяся по его жилам, разжигающая жажду крови. Он чувствует, как желание мести сжигает его изнутри, но он не стремится его утолить. Он наслаждается этим огнём.

«Ты слишком мягок, Курд», — шипит голос внутри его головы. Асмодей не умолкает, демон издевается над ним, играет с его разумом, словно цепной пёс, готовый укусить в любой момент. «Ты слишком много говоришь, но мало делаешь. Ты думаешь, что страх поможет тебе победить? Морт уже забрал твоё прошлое, и он заберёт твоё будущее, если ты не научишься думать, как я. Ты был лишь инструментом, и останешься им, пока не станешь чем-то большим».

Курд хмурится, его глаза сужаются, и он чувствует, как ненависть к демону разрастается, захлёстывает его. «Замолчи, Асмодей. Твои слова — это только яд, который пытается свести меня с ума, но я сильнее этого. И ты, будь ты проклят, не в силах ничего изменить».

«Ты уверен?» — голос демона звучит как глухой смех, коварный, тягучий, как липкий мёд. «Ты ведь понимаешь, что я дал тебе эту возможность. Я. Без меня ты был бы жалким трупом, гниющим в подземелье. Я возвысил тебя, дал тебе силу, а ты до сих пор не можешь справиться с этой властью».

Курд погружается глубже в мысли демона, пытается пробраться сквозь завесу мрака, что окутывает его разум. И вот она, маленькая ниточка, которую он подхватывает, — привязанность к Асморону. Курд чувствует, как тепло этой мысли проникает в сердце демона, и усмеивается, когда понимает, что это слабость. «Асморон... Твой ублюдочный сын, который никогда не будет иметь права на трон Мендемае. Он — ошибка, как и ты. Ты думаешь, он сможет

правлять, когда ты сам заперт в моей голове, как проклятый голос, который я могу заглушить, когда захочу?»

Асмодей рычит, как дикий зверь, его ярость чувствуется, как молнии, пронзающие череп Курда. «Заткнись! Ты ничего не знаешь. Ты не знаешь, на что он способен. Он сильнее, чем ты думаешь, и он вернёт мне трон, который принадлежит мне по праву!»

«По праву?» — Курд смеётся, его смех — это тёмное, резкое эхо в пустом святилище. «Ты правишь только в моём разуме, демон. Ты — голос без тела, тень того, кем ты был. А твой сын... Он никогда не займёт место на троне, потому что у него нет ни силы, ни власти, ни крови. Он просто бастард, который играет в игры, которых не понимает».

Но тёмная, язвительная улыбка Курда быстро исчезает, когда внезапная, пронзающая боль в голове заставляет его вскрикнуть. Асмодей обрушивает на него свою ярость, и это словно тысяча игл, пронзающих его мозг. Курд падает на колени, схватившись за голову, и его пальцы сжимаются, как когти. Из рта вырывается чёрная кровь, струится по подбородку, капает на пол. Боль разрывает его на части, и он чувствует, как теряет контроль над телом, как его сознание погружается в тьму.

«Хватит...» — выдыхает он, голос дрожит, ломается. «Хватит!»

Боль медленно отпускает его, как зверь, выпустивший свою жертву, чтобы поиграть с ней ещё немного. Асмодей снова смеётся, его смех звучит, как эхо в пустом зале. «Ты думал, что можешь насмехаться надо мной, бывший нейтрал? Я — Асмодей. Я был повелителем тьмы задолго до того, как ты стал задумываться о мести. И я могу разорвать тебя изнутри, когда захочу. Теперь я — это тоже сила».

Курд тяжело дышит, чёрная кровь всё ещё капает с его губ, но он с трудом поднимается на ноги. Он смотрит в пустоту перед собой, как будто видит там силуэт демона, и его взгляд пылает яростью. «Я заставлю тебя замолчать. Я — хозяин этого тела. Я тот, кто будет стоять на троне, когда этот мир обратится в пепел».

Глава 4

Тьма клубилась в огромном зале, как живая. Огромные каменные стены, украшенные древними барельефами, казались бесконечными — они давили на Курда, стягивали пространство вокруг него, словно желали поглотить. Но Курд стоял, выпрямившись, и его тень падала на пол, длинная, искажённая, больше похожая на очертание чудовища, чем на силуэт человека.

Он чувствовал разочарование, бывшее в виски огненными молниями. Едва ли не ненависть к самому себе за то, что ритуал не сработал. Деус не ответил, магия не призвала его, как он рассчитывал. Проводника деус не услышал. Курд стиснул кулаки до боли, ощущая, как ногти вонзаются в ладони. Он вложил всё, что у него было, в этот ритуал. Это его шанс вернуть себе не только былую власть, но и уничтожить всех своих врагов и править всем этим миром.

— Не хватает... — произнёс Чанкр, его верный слуга, тихо, но это слово взорвалось, как гром среди затишья. — Крови аксагола, мой господин. Без неё деус не пробудится. Проводник не натренирован. Нужно усилить магию, нужно полить деустал кровью аксагола.

Курд медленно повернулся к нему, в его глазах полыхала ярость, способная обжечь даже самую смерть.

— Аксагол... — процедил он, словно это слово само по себе уже было проклятием. Полуангел, полудемон, способный исцелять любую рану, противостоять любой силе, даже тем, кто воплощает смерть и хаос. — Где мне достать аксагола, Чанкр? Где? Из какой дыры я тебе его достану и какого хрена ты не сказал об этом раньше?

— Древние тексты, мой господин, — торопливо ответил Чанкр, боясь встретиться с глазами своего хозяина. — Говорят, что в мире ещё остались существа с такой кровью. Может быть, кто-то из потомков ангелов и демонов... если обратиться к рунам...

Курд выдохнул, пытаясь унять бушующую в груди ярость. Ему не нравилась сама мысль о том, что он зависим от чего-то... от кого-то. Но выбора не было. Этот мир стоил того, чтобы испробовать все возможные способы, даже если для этого ему придётся погрузиться в самые тёмные глубины.

— Подними книги, Чанкр. Спроси руны. Выясни, кто из ныне живущих может обладать кровью аксагола.

Чанкр поклонился и вышел, оставив Курда в этом огромном мрачном зале. Курд чувствовал, как остатки магии ритуала, неудавшегося, всё ещё плавают в воздухе, как горький дым. Он опустился на колени, положив ладони на холодный камень, словно хотел прочувствовать саму суть этого места. Древние стены хранили истории множества магов, тёмных ритуалов и крови, пролитой в жертву. Марисса... тупая идиотка. Слабая, никчемная. Убить бы ее, но еще пригодится. Стоит трястись в углу, понимает, что теперь мало чего стоит.

Закрыв глаза, он начал пробуждать силу, которая томила в его крови. Эта сила была частью его сущности, связывала его с демоническим началом. Голос Асмодея, демона, вплетённого в его душу, шептал внутри, змеился, как яд.

— Ты слаб, — прошипел Асмодей. — Всего лишь призрак былого величия. Ты не сможешь призвать деуса.

Курд вздрогнул, стиснув зубы, пытаясь оттолкнуть голос, но тот только усиливался, разрастался, как разрывающий его изнутри огонь.

— Тебе нужна сила, которой у тебя нет, — продолжал Асмодей. — И ты не сможешь достичь своего, пока не освободишься от этих цепей сомнений. В тебе течёт моя кровь, и ты носишь моё проклятие. Время взять то, что тебе принадлежит, и тех, кто готов пойти за тобой.

— Заткнись, — прошептал Курд, чувствуя, как волны боли пробивают его сознание. Но он знал, что Асмодей прав. Чтобы выполнить задуманное, ему нужны союзники.

Каменные стены темницы дышали холодом, пропитанным магией, древней и тяжелой, как сама смерть. Курд все еще стоял в тёмном зале, окружённый зловещими отблесками свечей, которые полыхали едва заметным фиолетовым светом, отбрасывая чудовищные тени на барельефы демонов и стражей, вырезанных в камне. Ритуал, направленный на появление деуса, потерпел крах, и злоба кипела в груди, как бурлящая лава, готовая вырваться наружу.

"Какого-то долбаного аксагола не хватило?" — он стиснул кулаки так, что костяшки побелели, и холодный пот скатывался по лбу, растворяясь в темноте. Густой дым от недавно зажжённых ритуальных масел витал вокруг, как дурман, вползал в ноздри, отравляя мысли, размывая линии реальности. Но Курд знал, что дело не в этом. Что-то не так с самим ритуалом, что-то пошло не так в самой основе его планов.

Он вспомнил о Марианне Мокану — жене Морта, матери его детей, о том, как её она умела забирать боль. Падший ангел — уникальное существо с необычными способностями, которое, казалось бы, должно было быть достаточно мощным для того, чтобы стать катализатором. Но... нет. Курд стиснул зубы. Её силы не хватит. Впрочем и добраться до нее невозможно тоже не было. Живучая сучка. Он ведь ее лично убил и лично прикопал. Но Морт преподнес ей свое сердце. Слабак... Ничего, Курд еще воспользуется этой слабостью. Нужно только восстановить свои силы. Да и Марианна Мокану не аксагол.

Он ударил кулаком в каменную колонну, и эхо его ярости разнеслось по пустому залу, словно вскрик раненого зверя. Это было невыносимо. Он стоял в шаге от своей цели, но не мог пересечь эту черту. Не мог призвать деуса, не имея ключевого элемента, который пробудил бы бога хаоса и разрушения.

В голове возник ещё один образ — Габриэль Вольский. Потомок древнего рода, в жилах которого тоже текла кровь ангела и демона. Тоже могучий, но опять же, не аксагол и тоже Падший. Его сила была размыта, ограничена. Габриэль был сильным, но... все же это не то. Настоящая мощь аксагола должна была пылать внутри, как чистое пламя, как изначальный огонь, рождающийся в крови.

"Я стою на пороге... но не могу войти," — думал Курд, и злость его становилась почти осязаемой, как жгучая боль в груди.

Он начал мерить зал шагами, и с каждым шагом его гнев только рос. Марианна, Габриэль... они были близки к истинной силе, но всё же — не аксаголы. Они были... тенью того, что он искал. Лишь проблеском той энергии, которую ему нужно было высвободить, чтобы провести ритуал до конца, чтобы призвать существо из иного мира, чтобы поглотить его силу, сделать её своей.

Курд знал, что в этом мире таких существ не осталось. История уничтожила их, как нежелательных свидетелей. Их силы были опасны, слишком могущественны для смертного мира. Только единицы из них выжили, скрываясь в веках, растворяясь в темноте.

Курд закрыл глаза и сконцентрировался, отбрасывая в сторону ненужные мысли, оставляя в себе только ярость и жажду победы. Он вспомнил руны, древние заклинания, спрятанные в книгах, которые пылились в хранилищах Нейтралитета веками. Там могли быть ответы. Там могла быть информация о древнем аксаголе — или хотя бы указания на его местоположение.

Он разжал кулак, и кровь из раны, которую он сам себе нанёс, капнула на каменный пол, образуя тёмный след. **"Чанкр,"** — позвал он, и его голос расколол тишину, как грозовой раскат. Курд знал, что его слуга где-то рядом, готовый выполнить любую команду, как верный пёс.

Чанкр появился мгновенно, словно вынырнув из тени, — его бледное лицо и покорные глаза встречали взгляд своего господина.

— Да, мой повелитель?

— Принеси древние книги. Я хочу увидеть руны и узнать правду об аксаголах, — голос Курда звучал холодно и уверенно, как сталь, обрушивающаяся на врага. — найди мне хотя бы одного.

Чанкр кивнул и исчез, оставив своего господина наедине с мрачными мыслями. Курд стоял в ожидании, ощущая, как адреналин бурлит в венах, как тьма охватывает его разум, подчиняя каждую его мысль воле мести и желания власти.

Едва прошло несколько минут, как Чанкр вернулся, неся древнюю книгу в кожаном переплёте, страницы которой были испещрены символами, непонятными даже самому Курду. Но он знал, что Чанкр умеет работать с рунами, его слуга был мастером ритуалов и обрядов, и сейчас это могло стать ключом к успеху.

Курд взял книгу, и его руки задрожали — не от страха, нет, от предвкушения. Он знал, что это — его шанс. Он обернулся к Чанкру, который уже расставлял по кругу свечи и поджигал благовония, готовя ритуальное место для вызова ответов.

— Начинай, — сказал Курд, его голос был низким, напряжённым, словно сам воздух вокруг стал тяжелее.

Чанкр кивнул и начал ритуал.

Чанкр передвигался по тёмному залу с невероятной осторожностью, словно каждое его движение могло нарушить хрупкий баланс магии, сконцентрированной в этом месте. Пол был усыпан мелкими кристаллами и порошками трав, издающими удушающий аромат — смесь рвущего дыхание ладана, полыни и чего-то ещё, от чего даже у Курда слегка кружилась голова. Тяжелая, зловещая тишина заполнила помещение, словно само пространство сжалось в ожидании того, что должно было произойти.

Чанкр поставил два больших зеркала друг напротив друга, тщательно проверяя угол и расстояние между ними. Гладкая, чёрная поверхность зеркал поглощала свет, но в тусклом мерцании свечей казалось, что на них уже проступает что-то потустороннее, зыбкое. Он прошептал древние слова, его голос был низким, с хрипотцой, и казалось, будто заклинание вытекает из самой глубины его сущности, как яд из раны.

Курд наблюдал за каждым движением своего слуги, чувствуя, как напряжение обвивается вокруг его сознания, как ядовитый плющ. Он не отрывал взгляда от зеркал, где должно было появиться нечто — ответ, который он искал. Курд знал, что это опасно, знал, что не каждый выдержит такое видение. Но ему было всё равно. Он бы посмотрел в глаза самому аду, если бы это помогло ему завершить проклятый ритуал.

Зеркала вдруг затряслись, как будто по ним пробежала неведомая сила. Чанкр закончил произносить заклинание и застыл, отступив в сторону, чтобы не мешать. Пространство между зеркалами начало искажаться, как вода, в которую бросили камень. В этом мерцающем и дрожащем коридоре отражений что-то проступило, словно само время раздвинулось, давая взглянуть в иной мир.

И вот — она.

Глава 5

В бесконечном коридоре зеркал возник образ женщины. Чёрные волосы обрамляли её лицо, как ночная тень, тяжело ниспадая на плечи, и её голубые глаза светились в полумраке, как два осколка льда, брошенные в темноту. Она была красива до боли, до ледяного холода, который пронзает сердце, как кинжал. Её красота не была простой, земной — в ней было что-то нечеловеческое, нездешнее. Кто она? Откуда она? Где ее искать? И почему опять баба.

Курд замер, смотря на это отражение, и его сердце застучало сильнее, как будто сама судьба коснулась его ледяными пальцами. Женщина была прекрасна и опасна. Он не знал, кто она. Не знал её имени, её сущности, её прошлого. Но он почувствовал — она была ключом. Это не требовало доказательств; это было интуитивное, почти животное понимание.

Он прошептал слова, которые шли откуда-то из глубины его сознания, рвущиеся наружу: — Она — истинный аксагол...

Чанкр стоял рядом, дрожа от напряжения, едва сдерживая дыхание. Он не знал, что видит его повелитель, но чувствовал напряжение в его теле, видел, как его руки медленно сжимаются в кулаки. Курд продолжал смотреть на неё, замороженный, и в то же время ощущая, как в нём разгорается дикое желание — не страсть, но жажда силы, жажда власти, которой он ещё никогда не испытывал. Эта женщина могла стать его ключом к величию, его мостом к вечности. Если её кровь действительно принадлежала аксаголу, тогда деус восстанет из мрака, и весь мир склонится перед Курдом.

— Найти её, — голос его был хриплым, почти звериным, глаза горели диким огнём, будто сама сущность его отравилась этим видением. — Любой ценой. Найдите её и приведите ко мне. Живой.

Чанкр кивнул, мгновенно подавляя малейшие колебания. Он знал, что когда его повелитель говорит с таким голосом, вопроса "почему" не существует. Существуют только приказ и действие. Он повернулся к выходу, чтобы немедленно отправить гонцов, которые займутся поисками, но Курд остановил его жестом.

— Нет, — он склонился ближе к зеркалу, его лицо искажённое и жестокое. — Это должно быть сделано... лично. Никто другой не справится. Я не потерплю провала.

Зеркало продолжало дрожать, отражая бесконечный коридор её образов, как тень, многократно повторённая в иных мирах. Курд смотрел на неё, как на диковинный приз, ощущая, как внутри разрастается тёмное, необузданное желание обладать этим существом. Ведь теперь он знал, что эта женщина — его последняя надежда, последний шанс завершить то, что он начал.

Чанкр проводил взглядом своего повелителя, пытаясь скрыть свою тревогу. Он знал, что Курд был способен на всё, если это приближало его к цели. Но сейчас, видя, как напряжённо Курд всматривается в зеркала, как его глаза, тёмные и пустые, буквально впитывают видение, Чанкр ощутил некое новое напряжение в воздухе. Курд был мрачным, сосредоточенным, почти неподвижным. Его тело напоминало сжатую пружину, готовую к броску — но броску не из инстинкта, а из тщательно выверенного расчёта.

Ему нужно было именно это существо — ничего больше. Всё остальное, все элементы ритуала, все приготовленные жертвы — всё это было лишь подготовкой к главному шагу. И теперь, когда он увидел её в зеркале, когда её образ наконец проступил из теней, он понял, что близок к решающему моменту. Тонкая грань между мирами скоро исчезнет, и он стоял на пороге, готовый ворваться туда, где ждёт сила, перед которой ничто не устоит.

— Найди её, Чанкр, — голос Курда был тихим, как шорох тёмного тумана, и точно таким же холодным. В нём не было страсти или личного интереса. Только холодная, безупречная решимость. — Любой ценой.

Чанкр кивнул, готовый отправиться в путь. Он знал, что Курд будет ждать результата — ждать не с нетерпением, а с безжалостной уверенностью. Потому что для Курда это не было вопросом времени, а лишь неизбежностью. Как ночная тьма поглощает свет, так и его планы должны были стать реальностью.

Но Курд остановил его движением руки. Он не отрывал глаз от зеркала, от этой бесконечной череды отражений, в которой образ женщины становился всё яснее. Необыкновенная красота этой незнакомки была лишь оболочкой, которая не имела для него значения. Всё, что он видел в ней, — это её сущность, её кровное наследие. Он понимал, что не может просто послать на её поиски обычных слуг. Эта задача требовала верности, силы и... тени.

— Этого недостаточно, — произнёс он, словно размышляя вслух, и Чанкр затаил дыхание. — Мне нужны те, кто разделяет мои взгляды. Те, кто презирает нынешний порядок так же, как я. Нейтралы, что не боятся бросить вызов своему собственному лидеру.

Чанкр остался на месте, понимая, что сейчас Курд готовится к чему-то большему. И, наконец, Курд повернулся к нему.

— Я подниму их. Призову тех, кто остался в тени. Тех, кто жаждет падения Морта. Тех, кто готов предать его и отдать мне свою верность.

Чанкр ощутил, как дрожь прошла по его спине.

Вспомнив о Нейтралитете и Мортových союзниках, Курд усмехнулся, понимая, что среди них найдутся те, кто не согласен с нынешним правлением. Морт мог внушать страх, но страх, как он знал, всегда порождает предателей. Курд намеревался разыскать тех, кто готов изменить своему самоуверенному хозяину.

Он снова закрыл глаза и позволил своей силе растечься по пространству, пробудить тёмные связи, которые когда-то связывали его с Нейтралитетом. Ему требовалось немного времени, чтобы найти тех, кто был податлив, тех, кто прятал в себе жажду разрушения и амбиции.

Его разум касался умов нейтралов, выискивая слабых, тех, кто скрывал недовольство. И наконец он нашёл их — десяток тёмных фигур, готовых предать своих собратьев ради возможности служить истинной силе. Тени в его сознании трепетали, ощущая призыв, который не могли проигнорировать.

— Я — ваш истинный хозяин, — прошептал Курд, отправляя мысленный приказ своим новым союзникам. — Примите мою кровь, мою силу, и встаньте рядом со мной против этого жалкого узурпатора.

Его руки слегка затряслись, когда он почувствовал, как связка этих нейтралов тянет его силу, как его кровь скользит по невидимым магическим путям, передаваясь каждому из них. Курд почувствовал, как они принимают его силу, как их глаза загораются новой тьмой, полной преданности.

Когда он открыл глаза, то знал, что теперь за ним стоит тёмная армия. За его спиной стояли фигуры — те, кто когда-то присягнул Морту, но теперь был готов изменить клятву.

Курд смотрел на них, и в его взгляде не было ни гнева, ни радости. Только холодная, всепоглощающая цель. Он сделал шаг вперёд, вставая перед ними, словно ожидая их признания. Их выбор был очевиден — иначе они не пришли бы сюда. Но Курд хотел удостовериться, что они понимают, на что идут.

— Вы пришли сюда не ради меня, — начал он, и его голос был глубоким, низким, как гул колокола на погребении. — Вы пришли, потому что вы ненавидите своего лидера. Потому что ваш клан стал орудием контроля, а не силы. Потому что вы хотите вырваться из тени Морта и стать частью чего-то великого.

Нейтралы молчали, их тени сливались воедино, создавая нечто похожее на живую волну тьмы, готовую поглотить любой свет. Взгляд Курда был строгим и пронизательным. Он изучал их, ощущая каждой клеткой, что это не просто оружие — это его союзники, те, кого он использует, чтобы достичь того, чего желает.

Он сделал ещё один шаг, и от его ауры в воздухе затрепетала невидимая, но неистовая энергия. Она словно обвила нейтралов, заставляя их содрогнуться от напряжения, но никто из них не двинулся с места. Курд протянул руку, и капля его крови упала на холодный каменный пол, медленно растекаясь по трещинам. Его кровь впиталась в камень, тянулась, как корни, вползая в их сознания, связывая их с его волей, с его стремлением к власти.

— Отныне вы — мои, — сказал он, его голос был мягким, но в нём звучала такая неумолимая сила, что каждый из нейтралов почувствовал, как это заявление пронизывает их до самых костей. — Сделайте всё, что я скажу. Найдите её. Приведите её сюда. И если вам придётся уничтожить половину мира ради этого, то так тому и быть.

Нейтралы склонили головы в знак молчаливого согласия, и Курд ощутил, как их преданность вливается в него, как слабые, но значимые ручейки силы. Они больше не принадлежали Морту, больше не признавали его власть. Отныне они были частью тьмы, что обволакивала Курда, были готовыми слугами его безжалостного, абсолютного замысла.

И когда последний из них покинул зал, растворяясь в тенях, Курд вернулся к зеркалу. Его отражение смотрело на него — холодное, хищное, лишённое любой человеческой привязанности. Он ещё раз посмотрел на образ женщины, который застыл в глубине зеркального коридора, и его глаза блеснули тем огнём, что сжигает всё на своём пути.

— Ты принадлежишь мне, — прошептал он, и его голос был тих, но в нём не было ни тени сомнения.

Глава 6

Тучи над замком сгущались, закручиваясь в угрожающее серое полотно, что казалось тянулось к земле, желая раздавить её земли своей тяжестью. Чёрные Волки. Их гордость. Их кровь. Её кровь. И теперь всё это было на краю бездны. Роксана стояла у огромного окна в своём зале, сплетая тонкие, как у хищной птицы, пальцы в замок. Их напряжение выдавали только белеющие костяшки. Снаружи лес дрожал под резкими порывами ветра, листья рвали воздух, как маленькие кинжалы. Дикая природа, что всегда казалась частью её сущности, теперь отражала её тревогу.

Тучи над землёй были как её мысли — тяжелые, мрачные, клубящиеся в хаотичном вихре. Где её сын? Где Вахид? Этот вопрос был как рана, что никогда не заживает, как нож, что снова и снова проворачивают в её сердце. Никто не знал ответа. Никто. Даже Лана, её невестка, что уехала искать его, оставив замок и клан.

Роксана верила в Лану. Та была сильной, хоть и не до конца понимала, каково это — держать на себе целый мир. Лана могла пробежать через ледяной ад ради её сына, но хватит ли у неё времени? Хватит ли сил? Она сама уже не была той, кем была раньше.

— Найди его, — прошептала Роксана, обращаясь, казалось, к самому небу. Или, может, к ветру, который носил в себе запах крови.

Воздух был сырой, с привкусом каменной пыли и железа, словно сама замковая кладка впитала в себя страх и тьму за долгие годы своего существования. Лёгкий сквозняк охлаждал кожу, пробегая вдоль стен, где факелы, словно живые, бросали дрожащие отсветы на каменные барельефы. Лицо Роксаны, обычно спокойное и холодное, сейчас напоминало маску из мрамора: резкие черты, пронзительный взгляд, тонкие губы, сжатые в линию.

— Госпожа... — голос слуги дрожал, как лист на ветру. Он знал, что сейчас любой неправильный звук, любое лишнее движение могут стать его последними.

— Говори, — коротко бросила она, не оборачиваясь.

Слуга выдавил слова, будто от них зависела его жизнь.

— Азиза... Ваша дочь... Она... Она движется к северным землям. С войском.

Эти слова упали, как острые камни в глубокую воду, и звенели в сознании Роксаны, дробаясь на миллионы осколков. Она молчала, её руки на мгновение сжались в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Внутри всё кипело, но она не позволила этому вырваться наружу.

"Азиза..."

Её дочь. Её плоть и кровь. Та, чьё лицо она когда-то считала своим отражением. Её сердце бешено стучало, но она не дрогнула, стоя, словно изваяние, глядя в каменные плиты под ногами.

— Она направляется в это имение, — продолжил слуга, не дождавшись ответа. — Мы получили сведения, что её цель —...

— Не продолжай, — тихо, но резко оборвала его Роксана, поднимая руку.

Она всё знала. Знала, чего хочет Азиза. Полного контроля над кланом. И смерти. Смерти маленького Вахида, её внука. Наследника. Её глаза вспыхнули ледяным светом, в котором горела смесь боли, ярости и презрения.

"Моя собственная кровь обернулась против меня," — думала она с горькой усмешкой. Её губы дрогнули, вырисовывая саркастическую улыбку, но в глазах была лишь холодная, бездонная пустота.

— Ты свободен, — ледяным тоном произнесла она слуге, и тот, низко поклонившись, спешно удалился, словно ветер вытолкнул его из зала.

Когда двери за ним закрылись, Роксана позволила себе шагнуть к столу, опереться на тяжёлую поверхность, покрытую старой, истёртой картой клановых земель. Её дыхание стало прерывистым, но она быстро взяла себя в руки.

"Азиза, ты всегда была жестокой. Ты всегда хотела больше. Больше власти, больше силы, больше всего. А теперь ты хочешь уничтожить меня и то, что я защищала всю свою жизнь. Ты хочешь стать центром этого мира. Но я не позволю."

Её мысли, острые как кинжалы, резали по сознанию, пока перед глазами всплывали образы прошлого. Когда-то, много лет назад, она сама стояла перед выбором. Она знала, что ради власти нужно быть безжалостной. И она стала. Она пожертвовала своей человечностью ради клана. И вот теперь её собственная дочь, её гордость — обратилась против неё.

Роксана вздохнула, проводя рукой по карте. Её пальцы замерли на северной границе. Она подняла голову, и её взгляд стал твёрдым, будто гранит снова обрёл свою форму.

— Подойдите ко мне, — её голос, низкий и холодный, отозвался эхом от каменных стен.

В зал тут же вошли капитан стражи и главнокомандующий войска. Они стояли, не смея произнести ни слова, пока она давала приказы, словно чеканя каждое слово.

— Усиьте стены. Удвойте дозоры. Выставьте охрану на всех подступах к замку.

Капитан кивнул, не задавая лишних вопросов, и вышел. Роксана знала, что её приказы будут выполнены без промедления.

Затем она посмотрела на второго воина. Её глаза, ледяные и пронзительные, заставили его поёжиться.

— Передайте жрецам, что я хочу увидеть их до заката. Мне нужно знать, что Гела на нашей стороне. Если они ещё смотрят на нас...

Воин замялся, но под её взглядом молча кивнул и удалился.

Когда она осталась одна, в тишине гулко го зала, Роксана подошла к окну. На улице ветер разгонял тучи, тьма сгущалась, и природа сама кричала о грядущей буре. Замок погружался в подготовку к войне: внизу лязгали доспехи (ликанский яд опасен это не война мира смертных с пистолетами, ядерным оружием и бомбами. Это война ядовитых клыков, когтей, хрустальных клинков и серебряных пуль цивилизация не властна над древними сущностями), стражники шагали по двору, выкрикивая команды. Всё это напоминало ей прошлое, когда такие же приготовления предшествовали битвам, в которых решалась судьба клана.

Она скользнула взглядом по замковым башням и, наконец, позволила себе короткий миг слабости.

"Азиза... Ты хочешь войны? Ты её получишь. Но помни: я Роксана. Я мать, которая готова сражаться до последнего за своего сына, за своего внука. Ты была моей кровью, но теперь ты стала моим врагом. И враги не получают пощады."

Её сердце тяжело забилося в груди. Она знала, что войны не избежать. Она знала, что Азиза сильна и хитра, но...

Война. Это слово звучало, как набат в её голове. И если это будет последняя битва Роксаны, то она сделает всё, чтобы уйти победительницей.

Мрачные своды замка оживали, как древний зверь, пробуждённый из векового сна. Лязг оружия раздавался повсюду, отражаясь от холодных каменных стен, будто сами эти камни несли в себе память о бесчисленных битвах. Шаги воинов гулко раздавались по коридорам, перекрывая тревожное биение сердца замка, а команды капитанов звучали сквозь шум.

Роксана стояла в центре главного зала, высоко подняв голову, глядя на суету вокруг. Её фигура, закутанная в глубокий чёрный плащ с серебряной вышивкой, напоминала тень самой войны. Её взгляд был холодным, как зимний ветер, и твёрдым, как сталь клинка.

Она провела рукой по массивному столу, на котором лежала карта земель клана. Пальцы задели линии рек и гор, очерченные старым чернилами. Это были её земли. Её клан. И она не

позволила бы никому, даже своей собственной дочери, уничтожить то, что она строила годами, что защищала кровью и болью.

На мгновение её взгляд задержался на одном из воинов, стоявших в сторонке и проверявших остроту меча. Он был молод, лицо — ещё без шрамов, и в его глазах читалась неуверенность. Но что-то в его движениях напомнило ей Вахида, её сына. Такой же был взгляд, когда он впервые взял меч в руки.

Роксана сжала челюсти. Боль вспыхнула в груди, как раскалённая игла. Где он? Жив ли он? Или этот мир уже успел проглотить её мальчика, так же, как проглотил её надежду?

Но она не могла позволить себе слабости. Сейчас нет времени для слёз или сожалений. Сейчас есть только одно: война.

Роксана выпрямилась, её взгляд скользнул по залу, где воины, словно мрачные статуи, проверяли амуницию. Лязг мечей, гул шагов, даже приглушённые крики тренировок наполняли замок ритмом битвы. Её ритмом.

Она подошла к окну, сквозь которое был виден двор, наполненный суетой. Стражники точили копья с хрустальными наконечниками, кузнецы разжигали горны с расплавленным хрусталем, женщины несли корзины с пропитанными волчьей травой бинтами и едой. Её земля готовилась к битве.

"Азиза думает, что сможет разрушить это место, забрать мою власть, уничтожить моего внука? Она не понимает, что я в одно мгновение из матери превращусь в ее заклятого врага... Впрочем этот выбор она уже сделала," — с холодной решимостью подумала Роксана.

Её внук... Маленький Вахид. Единственное живое напоминание о её сыне. Красивый мальчик, с такими же пронзительными глазами и той же гордой осанкой. Роксана вспомнила, как он сжимал её руку своими маленькими пальцами, как смеялся, когда она читала ему старые легенды о волках-гайларах их дальних предках из северных земель.

Если Азиза доберётся до него...

Роксана сжала подлокотник кресла так сильно, что её ногти оставили глубокие следы в древесине. Она видела своего врага. Нет, не дочь. Азиза больше не была её ребёнком. Теперь она была врагом. Таким же врагом, как все те, кого Роксана уничтожила на своём пути к власти.

— Усильте дозоры еще в два раза, всех людей в охрану, — резко сказала она, повернувшись к капитану, который ждал её распоряжений. — Никто не должен подойти к замку незамеченным. Удвойте количество стражников на башнях. И предупредите лучников: любая фигура на горизонте должна быть встречена стрелами. Они идут сюда за смертью.

— Да, госпожа, — капитан быстро кивнул и ушёл.

Роксана снова подошла к окну, глядя на грозовые тучи, которые, казалось, опустились прямо над замком. Природа чувствовала напряжение, разделяла его с землёй, людьми, небом.

Глава 7

Ночь сгустилась над замком, опустив на его каменные стены плотное покрывало тьмы. Казалось, что сама природа замерла в напряжении, словно чувствуя, что что-то важное должно произойти. Снаружи ветер хлестал по окнам, завывая в такт скрытым теням, которые прятались в углах огромных залов.

Роксана стояла на лестнице, ведущей к центральным воротам. Её длинное платье тёмного винного оттенка казалось частью окружающего мрака, а холодный свет факелов лишь подчеркивал её бледное, заострившееся лицо. Она наблюдала за медленно открывающимися воротами. Чувство тревоги саднило под кожей, как старый шрам, который вот-вот начнёт кро-
воточить.

Сначала раздались шаги. Тяжёлые, уверенные. И вот он — гость. Саргас.

Он вошёл, словно сгусток тьмы, воплотившийся в человека. Высокий, с широкой грудной клеткой и мощными плечами, он двигался грациозно, как хищник, который знает, что находится на вершине пищевой цепи. Его одежда была чёрной, с едва заметными серебряными вставками, которые блестели в свете факелов. Но не это привлекло внимание Роксаны — её взгляд тут же притянули его глаза.

Глубокие, как пропасти, они словно пронизывали её насквозь. Карие, почти черные, они напоминали зеркала, которые не отражают, а пожирают всё, что на них смотрит. Она не смогла понять, что в них было: спокойствие ледяной воды или бескрайняя глубина скрытой ярости.

— Роксана, — произнёс он её имя так, будто оно было чем-то священным, но в его голосе скрывался едва уловимый оттенок насмешки. — Я пришёл, чтобы предложить вам свою помощь.

Его голос... Этот голос был глубоким, бархатистым, но вместе с тем имел в себе что-то хищное, опасное. Роксана невольно почувствовала, как мурашки пробежали по её коже, заставляя волосы на затылке встать дыбом. Это было чувство инстинктивного страха, который подсказывает волку, что перед ним стоит не просто враг, а кто-то, способный уничтожить его за долю секунды.

— Саргас, из клана Серых Волков, — представился он, поклонившись с учтивостью, которая показалась Роксане почти издевательской.

"Серые Волки," — подумала она, сохраняя холодное выражение лица. Это клан, о котором ходили мрачные слухи. Они жили на далёком Севере, где холод проникал в самую душу, где ночь длилась вечность. Их считали отшельниками, почти мифами. Но мифами, которые могли растерзать тебя, прежде чем ты успеешь вдохнуть.

— И что же привело представителя столь... отдалённого клана в мои земли? — холодно спросила Роксана, её голос был резким, как удар лезвия.

Саргас чуть приподнял уголки губ, создавая намёк на улыбку, но в этой улыбке не было тепла. Лишь хищная усмешка, которая скорее предупреждала, чем приветствовала.

— Я слышал, что ваша семья столкнулась с внутренними трудностями. — Его слова звучали вкрадчиво, словно яд, который проникает в тело, пока ты не понимаешь, что уже умираешь. — Азиза готовится к войне, а вы остались здесь, в замке, пытаясь защитить внука.

Роксана внутренне напряглась. Как он мог знать? Она посмотрела на него пристально, словно пытаясь проткнуть этот шёлк его вежливости и увидеть, что скрывается под ним.

— Вы, должно быть, хорошо осведомлены, — сухо ответила она, ни на секунду не позволяя своим эмоциям выйти наружу.

Саргас кивнул.

— Это мой долг — быть хорошо осведомлённым. Особенно если я собираюсь предложить вам свою помощь. — Он сделал шаг ближе, и Роксана почувствовала, как воздух между ними стал тяжелее. Его присутствие было словно магия, обволакивающее и подавляющее. — Я предлагаю своих людей. Сильных, выносливых воинов. Они помогут вам защитить замок и вашего внука.

Его слова прозвучали, как музыка. Гладкие, продуманные, соблазнительные. Но Роксана не была душой. Она знала, что каждый союз имеет свою цену, и чаще всего эта цена оказывается слишком высокой.

— И что ты хочешь взамен? — тихо спросила она, но её голос звучал как ледяной клинок, готовый разрезать ложь на части.

Саргас посмотрел на неё внимательно, его глаза блеснули в свете факелов, словно хищник, который увидел свою добычу.

— Союз, Роксана. Всего лишь союз. Вы получите защиту, а я — право вести переговоры с вашим кланом, когда эта война закончится.

Она задумалась. Это было слишком удобно, слишком выгодно. Но в этих словах была правда. Её собственный клан сейчас был ослаблен. Азиза рвала его на части, как волчица, разрывающая чужую добычу. А Саргас...

Саргас был силой. Мощной, необузданной, тёмной силой, от которой нельзя было отмахнуться.

— У меня нет причин доверять тебе, — наконец сказала Роксана, её глаза вспыхнули. — И нет причин отказываться.

Его улыбка стала чуть шире.

— Это мудрое решение, госпожа. Могу ли я рассчитывать на ваше гостеприимство и остановиться в замке на ночь?

- Черные волки не менее гостеприимны чем их собратья. Вы можете оставаться в замке сколько пожелаете. И я рассчитываю, что ваши воины совсем скоро появятся. Так как времени ждать нет.

- Через день мое войско прибудет сюда.

Когда он склонился в лёгком поклоне, Роксана почувствовала, как по её коже снова пробежал холод. Она наблюдала за ним, пока он не удалился, его фигура растворилась в тени, словно он был её частью.

И только тогда она позволила себе вздохнуть.

"Этот человек... Нет, не человек," — подумала она, глядя в темноту. — "Он опасен. Но в опасности есть сила. А сила — это то, что мне нужно сейчас."

Ветер снова завыл за окнами.

Тронный зал был пуст и холоден. Свет факелов метался по каменным стенам, превращая их в живую ткань из теней и света. Роксана сидела на массивном кресле с высокими резными спинками, которое некогда принадлежало её мужу, а позже — сыну. Трон Черных Волков. Символ власти, который сейчас казался ей тюрьмой.

Она провела пальцами по серебряному ободу бокала, наполовину наполненного тёмно-алым вином. Взгляд её, полный скрытого напряжения, был устремлён куда-то за пределы реальности, словно пытался проникнуть сквозь стены замка и разгадать секреты, которые оставил после себя её недавний гость. Саргас.

"Кто ты?" Этот вопрос сверлил её мысли с того самого момента, как двери за ним закрылись. Его образ всё ещё стоял перед глазами — высокий, уверенный, опасный. Слишком опасный. Её пальцы сжались вокруг бокала так, что тонкое стекло чуть не треснуло.

"Ты не просто ликан. Это было бы слишком легко. Слишком... очевидно."

Саргас казался воплощением хищника. Его движения были плавными, точными, словно он был рожден для охоты. Но это был не тот грубый хищник, каким можно представить север-

ных волков. Нет, в нём была какая-то аристократическая утончённость, отточенная жестокость, которая больше напоминала игру, чем инстинкт. И глаза. Эти глаза, коричневые, почти светящиеся в полутьме, были слишком пронизывающими, слишком живыми для кого-то, кто называл себя просто "ликаном".

Она сделала небольшой глоток вина, позволив алому теплу растечься по горлу. Вкус был терпким, с горчинкой — как её собственные мысли.

"Он будто видел меня насквозь. Пронзал, как иглой. Чёрт, я чувствовала себя так, словно он уже знает мои слабости лучше, чем я сама. Но это невозможно. Никто не знает Роксану, кроме самой Роксаны."

Она попыталась отмахнуться от нарастающего беспокойства. Возможно, это была её усталость. Возможно, нервы. Или всё сразу. За последние недели напряжение стало её вечным спутником, а паранойя — верной подругой. Когда ты стоишь в центре паутины, слишком легко поверить, что каждая тень за твоей спиной готова вонзить в тебя кинжал.

Но интуиция... Она всегда доверяла своей интуиции.

"Нет, этот человек... Это не просто страхи. Это что-то большее."

Роксана резко поднялась, бокал в её руке слегка качнулся, но она не обратила внимания на тёмные капли, упавшие на каменные плиты пола. Её шаги, тихие, но уверенные, эхом разнеслись по залу. Она подошла к одному из высоких окон, за которым клубилась ночь.

Ветер хлестал в стекло, напоминая о том, что где-то там, за этими стенами, уже собираются силы, готовые уничтожить её и всё, что ей дорого. Луна, почти полная, ярко сияла на фоне грозových облаков, словно насмехаясь над её тревогой.

— Кто ты, Саргас? — вырвалось у неё вслух, голос прозвучал, как шёпот в пустоте.

Луна, конечно, не ответила.

Она отвела взгляд от окна, пытаясь успокоить нарастающее беспокойство. Ей нужна была ясность, нужна была холодная голова. Не время поддаваться эмоциям, когда на кону всё.

Но её интуиция была слишком громкой. Она шептала, что этот человек — или то, кем он был — не случайно появился именно сейчас. Слишком вовремя. Слишком идеально.

Словно хищник, который терпеливо выжидал, пока его жертва ослабеет, а потом сделал первый, заманчивый шаг, предлагая помощь, которая, возможно, станет её последним ударом.

Но выбора у неё не было.

Она знала это. И он знал.

Роксана вернулась к трону, но не села. Она провела пальцами по резным узорам подлокотников, будто пыталась выпить из них хоть крупицу силы, которая давно принадлежала этой древней семье. Её семье.

"Если ты хочешь сыграть со мной, Саргас, то готовься. Роксана архбаа Черных Волков — не та, кого можно легко обмануть."

Она взглянула на бокал в своей руке. Вино, густое, алое, медленно стекало по стенкам, оставляя за собой темные следы, как кровь. Её мысли тут же вернулись к его словам.

"Он знал про Азизу. Откуда? Он знал про мои слабости. Как?"

Снова этот беспокойный голос в её голове. Она ненавидела этот голос — голос сомнений, который всегда был рядом, когда она оставалась одна. Он нашептывал ей самые мрачные сценарии, заставляя сердце сжиматься от тревоги.

Но Роксана знала, что этот голос прав.

Она сделала последний глоток, поставила бокал на каменную плиту под ногами и обхватила подлокотники трона, сжимая их до побелевших костяшек. Её взгляд стал твёрдым.

"Саргас может скрывать истинные намерения. Если он враг, то я с ним справлюсь. Если он союзник, то я его использую. Но одно ясно: он недооценил меня. И если он думает, что я позволю кому-то диктовать мне правила игры, то он сильно ошибается."

Глава 8

На рассвете, который так и не принёс света. Солнце едва проклёвывалось сквозь тяжёлые, густые облака, напоминающие клубы дыма после пожара. Небо было болезненно-серым, а холодный ветер пробирался в каждую щель замка, будто напоминая о чём-то мрачном, неотвратимом.

Роксану вырвали из тревожного сна крики. Пронзительные, истеричные голоса слуг разрывали раннюю тишину замка. Они кричали что-то, но слова казались ей искажённым гулом, пока её сознание ещё блуждало на грани сна и яви.

— Госпожа! Госпожа, он пропал! Наследник пропал!

Эти слова ударили, как острый кинжал прямо в сердце, раздирая его на ошметки. Пропал? Кто пропал? Роксана вскинула голову, её разум начал быстро восстанавливаться, будто кто-то ударил её ледяной водой. Младший Вахид. Внук. Её внук.

Она вырвалась из постели, босые ноги коснулись холодного каменного пола, но ей было всё равно. Её ночное платье, шелковое и легкое как облако, цеплялось за края ступеней, когда она, почти теряя равновесие, выбегала в коридоры.

— Вахид! — её голос эхом разлетался по длинным каменным галереям. — Вахид!

Но в ответ ей звучала лишь пустота. Лишь её собственный крик, отскакивающий от мрачных сводов, возвращался к ней с издевательским отголоском.

Слуги метались, словно напуганные мыши, одна из женщин схватила её за запястье, сдавила так, что кожа побелела.

— Госпожа, его нигде нет! — голос дрожал от страха. — Мы обыскали всё. Детская пуста, его нет на кухне, его нет во дворе... Его... его... забрали!

Последние слова сорвались с губ женщины так, словно она боялась их произнести, как заклинание, которое принесёт проклятие.

Роксана почувствовала, как её сердце сжалось, как будто когти сдавили её грудь. Забрали. Кто? Когда? Как? Она пыталась дышать, но воздух казался слишком тяжёлым, будто его лишили кислорода.

— Как это могло случиться?! — вырвалось из её горла, и голос стал низким, почти рычащим, как у волчицы, защищающей своих детёнышей.

Она схватила ближайшего стражника за воротник, его лицо, бледное, как мел, встретило её ярость.

— Где ты был, чёрт тебя дерь?! — её голос эхом отразился от каменных стен, заставив всех слуг и стражников замереть. — Где была охрана? Кто следил за ним ночью?!

Стражник пробормотал что-то невнятное, но Роксана его уже не слушала. Она оттолкнула его так, что он чуть не упал, и побежала дальше по коридору.

Фрагменты мозаики, разрозненные и неясные, не давали ей покоя. Мальчик исчез. Вахид пропал. Её единственный внук. Она вспомнила его лицо — такие же яркие глаза, как у его отца, те же упрямые черты. Её ноги будто двигались сами по себе, она бежала, а внутри всё кипело.

И тут, как молния, мысль ударила её: Саргас.

Она резко остановилась, хватаясь за холодный каменный выступ стены, чтобы не упасть. Его глаза... Эти холодные, черные глаза, которые прожигали её насквозь. Его манеры, его вежливость, его идеальное поведение. Слишком идеальное.

— Нет, — прошептала она, чувствуя, как внутри всё леденеет. — Только не он.

Но интуиция, которой она всегда доверяла, вопила обратное. Она развернулась и, пересякая через ступени, рванула в сторону его покоев.

Она ворвалась внутрь, как буря. Двери с треском распахнулись, ударившись о стены. Но в комнате её ждала лишь пустота. Постель была аккуратно застелена, вещи — как будто никогда не распаковывались. Никакого следа от человека, который только что предлагал ей союз.

— Чёртов проклятый ублюдок, — выдохнула она, чувствуя, как её голос срывается.

Она обвела взглядом комнату, как охотник, выискивающий добычу. Но ничего. Даже запаха не осталось. Лишь тонкий, едва уловимый след, напоминающий о его присутствии.

Роксана почувствовала, как её руки дрожат. Она медленно подошла к столу, на котором стоял бокал с недопитым вином. Его вино. Она с силой схватила бокал, и он разлетелся на тысячи осколков в её ладони. Боль от пореза не остановила её, кровь капала на пол, но ей было всё равно.

"Он. Это он. Этот ублюдок украл моего внука."

Её грудь сдавила такая ярость, что она едва могла дышать.

"Как я могла быть такой слепой?!"

Но как он скрылся? Как ушел под носом у охраны и увел ребенка...

Это потому что он не ликан, глупая женщина! Он иная сущность, которая способна приобретать черты кого угодно... Тот кто может исчезать и материализоваться, проходить сквозь время.

Нейтрал?

Но разве они могут прийти в одиночку? Разве это не слуги высшего закона?

Она проклинала себя за то, что поверила ему. За то, что позволила ему войти в замок. За то, что, несмотря на свои подозрения, сделала выбор, который теперь может стоить ей жизни её внука.

Роксана выпрямилась, закрывая глаза. Она вдыхала и выдыхала, пытаясь подавить рвущуюся наружу ярость. Она не могла позволить себе сломаться. Ещё нет.

— Найдите его! — её крик прорезал тишину, разлетевшись по всему замку. — Найдите этого ублюдка! Переверните всё вверх дном, но приведите мне его!

Она знала, что её приказ, скорее всего, ничего не даст. Если Саргас был тем, кем она его подозревала, он уже далеко.

Но в глубине её души, за слоем ярости, родилось новое чувство. Это была не просто злость. Это было желание мести.

Она вспомнила, как её муж говорил ей, что Черные Волки никогда не сдаются, что настоящая сила в том, чтобы подниматься даже после самого жестокого поражения.

— Ты не понимаешь, с кем связался, Саргас, — прошептала она, поднимая взгляд к окну. Её лицо было жёстким, словно высеченным из камня. — Ты можешь быть чем угодно, но ты не заберёшь у меня последнее.

И она знала, что если потребуется, она сожжёт этот мир до основания, но вернёт своего внука.

Глава 9

Костёр едва тлеет, тонкие языки пламени лижут сырые поленья, но тепла от него не добьёшься. Лана спит, укутавшись в старый шерстяной плащ, который я снял с одного мертвеца на южных склонах, когда нас загнала в тупик вьюга. Не самое чистое тряпье, но лучше, чем дрожать на холоде. Её лицо спокойное, почти ангельское. Губы чуть приоткрыты, а дыхание лёгкое, словно ей снится что-то хорошее. Это бесит. Нет, не она. Бесит её спокойствие. Бесит, что я ничего не могу сделать. Что я не могу сдержать слово. Что она сейчас — только слабая, уязвимая девчонка, которую этот мир прожует и выплюнет, стоит мне отвернуться.

Я сжимаю челюсти так, что скулы начинают ныть.

— Волчица... чёртова волчица, — шепчу я себе под нос, стараясь не разбудить её. — Вернуть волчицу... как?!

Сжав кулаки, я отхожу в сторону, подальше от света костра. Ветер хлещет лицо, холодный, как прикосновение мёртвого. Он вьётся вокруг, словно хочет заглянуть в душу, забраться под кожу. Лес впереди мрачный, чёрные скелеты деревьев цепляются своими уродливыми ветвями за небо, будто пытаются выцарапать из него звёзды. Но небо пустое.

Этот чёртов лес... он словно живой. Ветви качаются, но не от ветра. Они будто нашептывают проклятия или жрут тишину. Мрак густой, вязкий, как застоявшаяся кровь, но я иду вперёд. Шаг за шагом, будто вгрызаюсь в эту тьму.

"Я должен вернуть ей волчицу."

Это мысль — как ярмо на шее. Тяжёлая, давящая, не дающая дышать. Лана не должна оставаться человеком. Она сдохнет так, как сдыхают слабые. Беззвучно. Жалко. И я этого не допущу. Она моя. Она должна быть сильной, чёрт её дери. Волчицей, которая не дрогнет ни перед кем.

Но пока что я вижу только девчонку, которая прячется за моей спиной. Проклятье, я бы разорвал любого, кто осмелится к ней прикоснуться, но в её глазах больше не отражается зверь. Там только... чёрт, слишком много боли.

Я срываюсь.

— Твари! — вырывается из груди. — Гребаные твари, всё мало вам, да? Всё мало!

Я не знаю кому ору, меня разрывает от отчаяния, потому что я в чертовой ловушке со всех сторон. Асморон, Мортифер, Морт...который каким-то дьявольским образом похож с Мортифером как на одно лицо.

Я рву мёртвую ветку с дерева и швыряю её в сторону. Она ломается с треском и глухо падает в грязь. Адреналин бьёт в виски. Мозг кричит, но я продолжаю идти вперёд, дальше в эту чёртову гниль. С каждым шагом меня накрывает ярость. На себя. На Морта, который шепчет мне, что я должен вспомнить своё гребаное прошлое. На этот чёртов мир, который изо всех сил пытается сожрать нас. И на Лану. Да, на неё. На её хрупкость, на её чёртову человечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.